

— Ну и что?!

— Как — ну и что?! Миша, родной! Он же законченный, понимаешь, законченный подлец! Он же гнилой насквозь! С ним не то что здороваться...

— Ну и что? Зато он умеет себя вести.

Последние несколько месяцев он часто вспоминал этот разговор. Даже не сам разговор, а свою фразу: «Зато он умеет себя вести». Тогда вышел спор, он в том споре оказался в меньшинстве, точнее, он спорил со всеми, а ещё точнее, все спорили с ним. Это был не дружеский, а скорее деловой спор. Остро обсуждали деловые и человеческие качества одного человека. Тогда-то он и сказал: «Зато он умеет себя вести». И последние несколько месяцев эта фраза часто ему вспоминалась.

Он вдруг понял, что сказал эту фразу вполне искренне. Понял, что умение себя вести в том человеке, о котором тогда шла речь, ему важнее всего остального. А ещё он понял, что всё остальное в том человеке его просто не волнует и не интересует. Он удивился, потому что раньше его интересовало в людях именно всё остальное.

Он понял, что с какого-то момента его стали больше устраивать и даже радовать те люди, которые просто умели себя хорошо вести. Этакие вежливые, пунктуальные, не сокращающие дистанцию, немногословные; такие вот редкие, в общем-то, у нас люди. Какие у них там камни за пазухой и фиги в кармане — это их дело. Но вот вовремя пришёл, сказал всё только по делу, улыбнулся, попрощался и ушёл, даже раньше намеченного, — значит, приятный и, скорее всего, умный человек. С такими хотелось сотрудничать и даже общаться.

Он только никак не мог вспомнить, когда и как с ним такое произошло. Когда ему перестали быть необходимыми импульсивные и искренние проявления характера и чувств и как случилось то, что ему, по совести, стало не очень важно, как к нему относятся коллеги, приятели, соседи, сограждане, руководители города и страны. Лишь бы хорошо себя вели. Он не мог вспомнить, как и когда с ним произошло такое изменение.

Что-то происходило с ним, потом случился тот самый спор, во время которого он сказал ту самую фразу, и тогда он обнаружил в себе такие серьёзные изменения. Он слегка удивился такому открытию и скорее обрадовался ему. Ему показалось, что он наконец-то повзрослел к своим тридцати семи годам и наконец-то стал ещё лучше разбираться в людях. Он даже поменял свой способ и стиль общения и, как ему показалось, сам стал хорошо себя вести.

— Не знаю, не знаю, дружище. Мне кажется, ты куда-то клонишь, только я не пойму куда, — морща губы и низко склонившись над столом, говорил старинный Мишин приятель Стёпа, которого все друзья и приятели называли Сёпа. — Я тебе про одно, а ты мне что-то совсем другое пытаешься втолковать.

— Правильно. Потому что ты меня не слышишь и даже не пытаешься услышать, — спокойно, откинувшись на спинку стула и отодвинувшись от стола, ответил Миша.

Этот разговор состоялся у них пару недель назад, и Миша тоже его вспоминал. Ему понравилось, как удачно он сформулировал свои разрозненные мысли последних месяцев и как красиво они влились в разговор. Он запомнил свои формулировки и даже успел их повторить в других компаниях и беседах.

А тогда они сидели со Стёпой и Сергеем, тоже старинным приятелем, после того как позанимались в спортзале, немного погрелись в сауне и приняли душ. Сидели, пили какой-то мудрёный бесцветный и, конечно же, очень полезный для здоровья чай, разговаривали и страшно хотели курить, но терпели. Они уже пару лет почти стабильно ходили по вторникам и четвергам в спортзал, и у них выработался ритуал курить вместе после спорта, но только тогда, когда они вместе выходили на улицу. Они старались оттянуть этот момент, чтобы лучше почувствовать, как «цепляет» первая после спорта сигарета. Вообще-то они давно пытались бросить курить, то вместе, за компанию, то врозь, то на спор. Но в тот раз они сидели, пили чай, сильно хотели курить, и у них зашёл разговор о летнем отдыхе и о том, что можно считать отдыхом.

— Почему не слышу? Я не глухой, я всё слышу! — препирался Стёпа.

— Сёпа, Сёпа! Не веди себя как маленький, — вступил наконец в разговор Серёга. — Миша же не спорит с тобой, что нужно отдыхать, как и где нравится. Мишань, я переведу ему с твоего языка на человеческий то, что, как я понял, ты хотел сказать? Можно?

— Попробуй, — усмехнулся Миша, — но я и сам тогда слушаю, мне интересно, в чём же разница.

— Послушайте, братцы, я не идиот, — возмущённо отстранившись от стола, сказал Стёпа, — я всё понял. И, кста-

ти, я отлично запомнил с детства, что о присутствующих говорить в третьем лице — это невежливо. Это свинство, Серёжа! Миша, можно я переведу ему, чтобы он понял? — ломая язык, передразнил Сергея Стёпа.

— Ты, конечно, всё отлично понимаешь! — заулыбался Сергей. — Всё! И всех! Кроме Миши. Ты же сам это знаешь, дружище!

— Ладно, давайте, делайте из меня идиота. Это ваша любимая песня, — сказал Стёпа и громко отхлебнул чай из чашки.

Миша был знаком с Сергеем и Стёпой давно. Они не учились вместе ни в школе, ни в студенчестве. Никогда вместе не работали. Просто как-то давно познакомились и приятельствовались, периодически доходя до дружбы. Сергей был помладше Миши года на три, а Стёпе исполнилось сорок четыре.

Стёпа уже много лет безрезультатно худел. Всех знакомых, которых он не видел больше двух недель, он встречал словами: «Ой, как ты похудел(ла)». Или наоборот: «Ой, ты что, поправился(лась), что ли?» Стёпа сороковой свой день рождения отмечать не хотел, но в итоге отметил его очень бурно. На следующий же день после того дня рождения он стал к себе внимательно прислушиваться в поисках признаков сорокалетнего кризиса. Он стал внимательнее относиться к своему здоровью и иногда впадал в панику из-за лёгкого отёка ног или болей в пояснице. Стёпу звали Сёпой ещё до того, как Миша с ним познакомился. И это сокращение очень ему шло. Стёпа даже не пытался возражать. Толстый, большой Стёпа всегда сопел носом, громко ел и, смеясь, всегда похрюкивал.

Он очень завидовал Сергею. Завидовал тому, что тот мог есть что угодно и сколько угодно, но был тощим, костистым и жилистым. Про таких говорят: «Не в коня корм». И ещё Стёпа частенько говорил Сергею, поднимая указательный

палец вверх: «Погоди, погоди! Вот стукнет тебе сорок лет, вот тогда мы на тебя посмотрим, вот тогда ты запляшешь по-другому».

Стёпа последние три года тратил много денег на то, что ездил по каким-то экзотическим странам, чтобы там ознакомиться с экзотическими методами медицины. Он всё про это знал, особенно то, что касалось похудения и укрепления потенции. Он привозил отовсюду какие-то настои в бутылках, в которых плавали разные корни, или дохлые змеи, или всё вместе. Привозил чай, мази, порошки, любил про это поговорить, потом ехал в другую страну, привозил что-то другое, и так уже три последних года. У Стёпы было два зоомагазина и маленькая ветеринарная клиника. Он слыл отличным специалистом, страшно любил животных и свою работу. Все его приятели только и делали, что удивлялись, как он мог увлечься всякими шарлатанскими идеями. А главное, все жалели тех денег, которые он с таким трудом зарабатывал и при этом тратил на всякую, по их мнению, дрянь.

А Сергей легко и успешно продавал автомобили, расширял свой бизнес, зарабатывал много и без видимого напряжения. Он, в отличие от Миши и Стёпы, никогда женат не был, детей никогда не имел. Сергей увлекался всеми видами экстремального спорта и, казалось, во всех морях нырнул, на все горы забрался, а потом скатился с них на лыжах.

— Так вот, Сёпа, дорогой! Миша говорил, что отдыхать «вообще» невозможно. Нужно отдыхать от чего-то. Понимаешь? И если хорошо и отчётливо понять, отчего ты устал, то можно более эффективно отдохнуть. Правильно я, Миша, тебя понял? — медленно и слегка растягивая слова, как для детей, сказал Сергей.

— Да. В целом правильно, — не меняя позы, сказал Миша. — И это касается всего, дорогой Сёпа! Лечиться «вообще», от всего на свете и сразу, тоже невозможно. Хотя я и не специалист, но уверен, что это так.

— Да понял я это! — махнул на обоих рукой Стёпа. — И понял твой намёк на меня. Хорошо, я неправильно лечусь, я неправильно отдыхаю, я неправильно живу, я старый и толстый. Это я понял. А как тогда правильно? Вот ты, Серёжа, от чего отдыхаешь?

— А я не устаю, дорогой, — лениво ответил Сергей.

— Молодец! — сморщившись, покосился на него Стёпа. — Это в смысле: как расслабиться? А надо не напрягаться! С тобой понятно. С тобой после твоих сорока поговорим. А ты Миша, ты от чего отдыхаешь? И следующий мой вопрос — как?

— Я уже давно, Сёпа, дружище, устаю и отдыхаю только от людей.

Возникла небольшая пауза.

— Не рано ли, Мишенька, ты начал уставать от людей? — серьёзно и медленно спросил Стёпа.

— Ну ты-то, Сёпа, с животными общаешься, тебе от людей уставать некогда, — усмехнулся Сергей. — А где же, Миша, можно от людей-то отдохнуть? Сейчас кругом люди. Даже на каждой горе хотя бы парочка да сидит. Морские прогулки ты не любишь. В пустыне? В тундре? Миша, не смей меня. Ты же без цивилизации и дня не протянешь, не сможешь ты без людей. В этом смысле я тебя отлично знаю.

— Конечно! — спокойно ответил Миша. — Ты всё отлично знаешь! Все друг про друга всё знают и понимают. Все такие знатоки! — Миша покачал головой и замолчал на несколько секунд. — Все у нас такие знатоки людей, куда там! Знаете, братцы, а ведь и я тоже, как мне кажется, хотя я практически в этом уверен, всё про вас понимаю и знаю. Вот такие мы здесь умные и тонкие. Так как раз я и хочу отдохнуть от таких вот знатоков и от своих знаний.

— И где же можно от нас отдохнуть? — всё так же серьёзно спросил Стёпа.

— Там, где нас нет, — усмехнулся Сергей.

— Точно! — кивнул Миша. — В самую точку. И тут всё очень просто. Мне ни к чему лезть в горы или ехать к морю. Мне нужно только одно — оказаться среди людей, которые меня не знают. Но, что ещё важнее, чтобы рядом не было людей, которых знаю я, — он снова сделал паузу. — Я не имею в виду знакомых людей, а имею в виду людей, которые, как мне кажется, мне понятны. А у моря от таких не спрячешься. К какому морю ни поедешь, там уже их много. И с первого же взгляда я вижу, что это как раз те люди, от которых я хотел отдохнуть, а со второго взгляда уже видно, приблизительно из какого города он приехал, чем приблизительно занимается, сколько приблизительно зарабатывает или хочет зарабатывать, и точно видно, с подругой, с женой или с любовницей он приехал. А ещё видно, чего от него в случае знакомства или общения можно ожидать. Да, к тому же, я не люблю пляжный отдых. — Миша отхлебнул остывшего уже чаю. — Не могу я получить удовольствия от лежания на пляже, регулярной еды и сна. Может быть, ещё молодой? А, Сёпа, молод, может, ещё? — Он подмигнул Стёпе. — Я лучше вырвусь на недельку куда-нибудь в Европу, в любую столицу, но лучше в какой-нибудь Копенгаген или Брюссель. А совсем хорошо, в Лондон, Берлин или Париж. Я, братцы, люблю города. Мне эти пляжи или сонные горные курорты пока непонятны. И вот там я отдыхаю от людей среди людей.

— Ну и сволочь же ты, Миша! — добродушно сказал Стёпа. — Так ты, значит, нас всех здесь любишь, да?

— Сёпа, дорогой, дослушай. Ладно? — Миша улыбнулся вполне снисходительно. — Здесь я многих люблю, кого-то не люблю, без кого, как без вас, долго не могу. И конечно, наши люди самые весёлые, искренние, щедрые, открытые, а наши женщины самые красивые и добрые. Мы вообще лучше всех. Но зато там люди умеют себя вести. Они меня знать не знают, но говорят мне «доброе утро» и улыбаются.

Всегда! Конечно, это ничего не значит, и это просто обычное для них дело. Но меня это устраивает. Я зашёл там пару раз в одно кафе, меня на третий раз узнают, и будут мне рады. Пусть не очень сильно рады, пусть даже они подумают, что я дурак, или вообще обо мне ничего не подумают. Но я же этого не знаю. А они этого не скажут, никак не покажут и даже не намекнут. И, кстати, если вдруг я им очень понравлюсь, они всё равно будут вести себя так же, в душу не полезут, душить в объятиях не станут. Они умеют себя вести. Продавцы там умеют продавать, полицейские быть строгими, но не хамами, повара умеют готовить, а музыканты умеют играть музыку. Не больше того, но и не меньше. А главное, всё-таки не больше того. И там бывают исключения, но редко. И мне так это нравится. Я не понимаю их, я не знаю толком, как они живут и зачем, я не понимаю, о чём они говорят и о чём пишут их газеты. Братцы, я их даже не люблю, они мне просто нравятся. Они умеют себя вести. Я среди них отдыхаю. Отдыхаю от той самой бесконечной некомпетентности по всем вопросам и всем направлениям, от искренних, честных, щедрых и открытых некомпетентных разговоров о том, о чём у говорящих есть много эмоций, но нет ни малейшего представления. А ещё я отдыхаю от неправильного поведения. Я, ребята, не говорю, что у нас тут все себя плохо ведут. Не плохо! А просто не так. Не так, как надо. И надо даже не мне, а вообще не надо. Никому не надо. Прежде всего им самим не надо. И получается, что еду я за хорошим поведением. Вот и весь мой отдых. Мне пока нравится так.

— Ну, знаешь, если ты так устаёшь от нашего поведения, — прищурившись, сказал Стёпа, — а ещё, если тебе нравится, чтобы люди хорошо себя вели, а ты бы их при этом не понимал, езжай тогда лучше в Пекин, Гонконг или Сингапур какой-нибудь. Там тебе и города, и хорошее поведение, и вообще, ни черта не поймёшь.

— Ну нет, Сёпа, я всё-таки ещё не настолько устал от людей, чтобы ехать в Пекин, — сказал Миша и засмеялся.

Потом они стояли на улице и с удовольствием курили ту самую сигарету.

Почти весь сентябрь было тепло, но дождливо и пасмурно. Лето тоже было дождливым, с короткими приступами душевной жары. Но в конце сентября налетели ветры, и октябрь пришёл ясным, солнечным и прозрачным. Золотой листвы было полно, как на деревьях, так и на улицах. Осень стояла самая лучшая, какую только можно было пожелать в Москве.

Миша называл такую погоду в это время года: «самая элегантная погода». Он очень любил середину осени в погожие, сухие дни. Это было редкое время, когда можно было одеваться красиво. Редко в Москве можно было носить тонкое пальто и любимые туфли. Летом было жарко или дождливо, так что элегантно не походишь, а потом как-то сразу — раз и зима, и тоже не до элегантности и не до прогулок. А Миша любил прогуляться, если было на то время и если позволяла погода. Под дождём и с зонтом — это было не то, а в шапке по снегу и в мороз — тем более. К тому же именно летом у Миши было совсем много работы, а зимой, когда свободного времени у него становилось больше, он старался ездить куда-нибудь туда, где климат и погода были как раз «элегантными». Там он гулял и отдыхал, как любил. Ещё ему нравилось не совпадать с общим временем и способом отдыха. А хорошая осень ему нравилась и в Москве. В такие погожие осенние дни ему казалось, что у него всё особенно хорошо получается и всё прекрасно удаётся.

А ещё ему очень нравилось осенью слетать по делам куда-нибудь на Север или за Урал. Там можно было застать даже снег или насмотреться на голые деревья. Люди там уже переодевались в зимнее, и многие носили шапки. Ему приятно

было вернуться в Москву и увидеть высокое, синее, осеннее небо, быстрые, яркие закаты и холодные октябрьские вечера. Это было время, когда ему удавалось особенно сильно и без сомнений любить Москву и даже в Москве быть собранным и спокойным.

Миша занимался редким и необычным делом. Ему его дело нравилось, и он с гордостью сообщал о том, кем работает и что делает, новым знакомым или тем, кто интересовался. Ему приятно было видеть их удивление и любопытство. А удивлялись почти все. Миша изготавливал дорожные знаки. У него была фирма и небольшой, скажем, заводик по производству дорожных знаков. Любых дорожных знаков: от обычных и привычных глазу круглых, треугольных и квадратных до огромных, которые устанавливаются на федеральных трассах и на которых есть названия городов и расстояния до них.

Миша уже больше десяти лет занимался этим и знал про знаки всё. А ещё он гордился тем, что когда-то ему пришла идея заняться таким необычным и редким делом. Он помнил, как эта идея пришла к нему, оказалась для него счастливой и изменила его жизнь.

А он всегда любил рисовать. В детстве он ходил в музыкальную школу, учился играть на фортепиано, но всё время хотел рисовать. Потом он, вопреки желанию родителей, поступил в художественное училище, но его не закончил. Поучился два года и бросил. Там он понял, что он любит рисовать, но не до такой же степени, чтобы делать это постоянно и только это. А в училище надо было рисовать и рисовать, к тому же совсем не то, что хочется. В училище он догадался, что таким вот рисованием ему и придётся заниматься всю жизнь. Рисовать всю жизнь то, что не хочется, он не желал, но и разобраться, что же именно хочется ему рисовать, тоже не смог. Вот и бросил. Ему не хотелось рисовать унылые се-

верные пейзажи. А учили его в училище в основном этому, потому что Миша родился и вырос в Архангельске. Он всё детство любил Архангельск, с гордостью говорил всем иногородним родственникам или когда бывал с родителями где-нибудь, что он архангелогородец, а никак не иначе, не архангелец и не архангельчанин. Ему нравилась тёмная и жуткая река Северная Двина. Но за время учёбы в училище ему опостылело её рисовать. Он бросил училище, помыкался и помаялся в родном городе, и его отец, по своим старым московским связям, помог Мише поступить в Москве в транспортный институт и как-то устроиться. Быть студентом в Москве Мише понравилось сразу. Ему было безразлично, на кого учиться, а учился он на инженера. Институт он не закончил. Дотянул до середины третьего курса и не увидел смысла продолжать. Почти сразу в Москве он познакомился с ребятами, которые, узнав, что он довольно грамотный музыкант, позвали его играть с ними музыку.

Ребята ему понравились больше, чем их музыка, а потом понравилась и музыка. Но главное, он попал в мир таких людей, к которым всегда хотел попасть. И их способ существования и жизни ему тоже понравился. Они играли разнообразную музыку: от рэгги до мудрёных баллад собственного сочинения. Ребят было то четверо, то шестеро, то трое, но всегда была одна девчонка-певица из музыкального училища, которая скорее не пела, а всем помогала, содержала репетиционное пространство в мало-мальском порядке, создавала атмосферу разнополого мира и постоянно приводила на репетиции разных своих подруг, тем и была необходима. Название группы постоянно менялось, музыкальные направления группы тоже. Миша с радостью принял такую жизнь, его посадили за клавиши, но он быстро освоил другие инструменты, стал сочинять музыку и автоматически стихи.

Третий курс учёбы ему давался с трудом, и он бросил своё студенчество окончательно. Больше года он скрывал этот факт от родителей, а потом сообщил им правду. Он не боялся их гнева, потому что уже работал, не нуждался в помощи и полагал, что сможет убедительно объяснить родителям, что не пропадёт в этой жизни, не скатится и всё, что ему надо было получить от образования, он уже получил. К тому же в Архангельск он возвращаться был не намерен. Он моментально стал столичным жителем и с трудом вспоминал себя жителем Архангельска.

Шесть дней назад около восьми утра Миша сидел на работе в своём кабинете. Он любил и довольно часто приезжал в свой офис раньше всех. Ему приятно было посидеть в тишине, поймать хотя бы минут двадцать спокойствия, пока не зазвонили телефоны, не захлопали двери, не застучали шаги и не зашумели голоса. В такие минуты он мог читать что-нибудь, или просто обдумать какую-то мысль, или делать и то и другое вместе. Он полюбил эти минуты особенно сильно в последнее время. Его работа не была связана с ежедневным и регулярным пребыванием в офисе. Наоборот, он редко проводил в офисе целый день. Он много мотался по дальним и ближним городам и регионам страны или мотался по Москве. Ему это раньше нравилось. Потом стало надоедать, и он начал направлять в регионы кого-нибудь, сам же выезжал куда-нибудь только в случае необходимости именно его присутствия и когда вопрос нужно было решать самому. Тогда-то он и полюбил приезжать на работу раньше всех.

Около восьми он сидел в своём кабинете, включил маленькую настольную лампу и получал удовольствие от того, что без всякого удовольствия и даже с трудом читал «Велико-

го Гэтсби» Фицджеральда. Он читал этот совсем небольшой роман уже вторую неделю. Читал, удивлялся и пытался понять, что в этой книге так нравилось всем тем, кто ему её рекомендовал прочесть в течение многих лет, за что этот роман вошёл в мировую литературу и с какой стати его называли культовым. Он с трудом продирался сквозь длинные, многословные диалоги, описания одежды и всех поз всех главных и второстепенных героев, сквозь бесконечные интерьеры. Всё ему казалось необязательным, и книжка казалась необязательной, но он обязательно хотел её дочитать из азарта преодоления трудностей, из желания всё же понять, почему читающие люди охают при звукосочетании «Фицджеральд».

И тут ему позвонили. Позвонили на мобильный. Он слегка удивился и приподнял бровь. В такой час ему обычно не звонили. Он подумал, что, может быть, это жена, Аня, что-нибудь вспомнила или, наоборот, забыла. Но звонила не она.

— Миша, дорогой, — услышал он голос, — это Володя, я тебя не разбудил?

— Вова! Здорово! — обрадовался Миша. — Доброе утро! Не разбудил, не разбудил. Я уже на работе, а ты почему так рано?

— Миша, Миша, прости! Я тебя перебью сразу, ладно?! — Миша услышал, что голос в трубке совсем неживой и Володя как-то тянет слова.

— Володя, что с тобой?

— Со мной ничего. А вот Юля умерла, — на последних словах голос в трубке дрогнул и стал совсем сдавленным.

— Как умерла... Когда... Вова, что ты говоришь такое?..

— Повесилась. Сегодня ночью. Вот такие дела! — Володя зарыдал.

— Я сейчас приеду. Ты где?

— Дома, Миша. Дома, у Юли дома. Приезжай, родной! Пожалуйста.

— А Юля где?

— Не бойся, Миша. Её уже увезли санитары.. Я тут один со следователем. Я устал. Миша, прости, но...

— Володя, а как?.. Хотя, ладно! Выезжаю. Я мигом.

Юля появилась в Мишиной жизни давным-давно. Она была старшей сестрой Володи, с которым Миша познакомился тоже давным-давно. Миша с Володей вместе учились в транспортном институте, и именно Володя позвал Мишу вместе играть музыку. Когда Миша бросил учёбу и решил не возвращаться в Архангельск, ему стало негде жить. В студенческом общежитии ему было отказано, а на то, чтобы снимать квартиру, не хватало денег. Тогда-то Володя и приютил Мишу у себя. Они с Володей тогда сильно дружили и вместе писали музыку. А жил Володя в большой профессорской квартире на Кутузовском проспекте. Жил со своей родной сестрой Юлей, которая была его старше на двенадцать лет. У Володи и Юли был один отец, а матери были разные. Отец их, когда-то крупный учёный, а потом функционер от науки, был уже совсем старенький и давно поселился где-то в Рязанской области в местах, описанных когда-то Паустовским.

Профессорская квартира была большая, вся заставленная старой мебелью, книжными полками, завешанная картинами и фотографиями в рамках. Такая хрестоматийная профессорская квартира. Мише была выделена отдельная комната. Как выяснилось, Володя рассказал дома про мытарства своего друга Миши, и именно Юля предложила позвать Мишу пожить у них. Юля очень скоро и надолго стала одним из самых важных людей в Мишиной жизни.

Она стала первым в его жизни старшим товарищем. Не совсем старшим, а просто безусловно мудрым, сильным, спокойным и житейски рассудительным, причём по всем во-

просам. Она помогла Мише избежать кучи ошибок, помогла разобраться во многих сомнениях, поддержала во всех важнейших решениях, пару раз уберегла от серьёзных трагедий и даже дала несколько, как выяснилось позже, бесценных советов.

Сколько Миша Юлю знал, она, казалось, совершенно внешне не менялась. Высокая, худая, некрасивая, с низким голосом, прямыми длинными волосами, вечно собранными на затылке в узел. Всегда она была одета в какие-то кофты, длинные юбки или какие-то широкие пиджаки и брюки. Никаких каблуков никогда. И вечная сигарета во рту. Мужа у неё никогда не было, детей тоже. Был какое-то время друг, скандинавский импозантный пожилой профессор, чертовски высокого роста. Встречались они несколько лет. Виделись, конечно, редко, когда тот приезжал в Москву. Пару раз Юля ездила к нему. Внешне во время этой дружбы Юля не изменилась, только была веселее и рассеянное обычного. Из всех возможных женских украшений Юля носила только маленькие золотые серёжки в виде наивных цветочков и тоненькое колечко на среднем пальце левой руки. Колечко было старое, тонюсенькое и с маленьким красным камешком.

Юля, сколько Миша её знал, работала в Министерстве здравоохранения. Всегда у неё была какая-то ответственная должность. Юля медленно, но верно росла по службе, и её должность становилась всё более и более ответственной. У неё было ну очень много знакомых! Число этих знакомых постоянно увеличивалось. Юля всем и постоянно помогала. Дома она подолгу говорила по телефону и всё устраивала каких-то детей к хорошим врачам или каких-то стариков в хорошие клиники. Все Юлю любили. Всем она была нужна.

Миша спускался по лестнице и выбежал из офисного здания, не в силах ни поверить, ни принять то, что услышал.

Если бы он мог увидеть себя со стороны, то увидел бы человека с побелевшими, сильно сжатыми губами и с широко раскрытыми немигающими глазами. Но, ещё не добрав до машины, он успел подумать, что дня три будет вырван из рабочей жизни, и решил, кого нужно об этом предупредить.

Он сел в машину и сорвался с места. Он пытался спешить, но утренние пробки не давали ехать быстро. И он понял, что даже этому рад. Он не знал, как он войдёт в Юлину квартиру и что и как будет говорить. Страшная новость накрыла его, но горе — ещё нет, осознание ещё не пришло. Он только пытался вспомнить, когда в последний раз видел Юлю. Вспомнил, что это было в июне. «Давно!» — подумал он. Тогда он забыл её поздравить с днём рождения и приехал к ней с запоздалыми поздравлениями и с бутылкой коньяку. Они посидели, выпили, поболтали и покурили на кухне. Ей исполнилось сорок девять. Вся квартира была заставлена увядшими и поникшими за неделю букетами и ещё не распакованными подарками. Юля была как Юля. Ничего необычного он вспомнить не мог.

Ещё они созванивались в августе. Миша не мог вспомнить точно, когда именно. Юле нужен был чей-то номер телефона, она позвонила сама. Миша не знал того телефона, и они немного поболтали. И всё. Но они вообще не очень часто встречались в последнее время. Оба были заняты. Но Юля была всегда на месте, Миша, в общем-то, тоже.

Миша думал так, ехал, а потом очнулся от этих мыслей и понял, что машинально едет на Кутузовский, к тому самому дому, в ту самую профессорскую квартиру, где давно уже жил Володя с семейством. А Юля так же давно жила в небольшой квартирке на Яузе, куда она перевезла все книги, фотографии и самую ненужную старую мебель. Миша сообразил, что едет неправильно, и стал продумывать правильный маршрут.

Миша прожил в квартире на Кутузовском почти четыре года. Юля сразу его приняла и сделала всё, чтобы он чувствовал себя независимо, свободно и как дома. Что она для этого сделала? Да ничего! Она просто не проявляла излишней заботы о нём и не деликатничала. С первого же дня она, не стесняясь, вечером ходила при нём в ночной рубашке, а утром без церемоний и со словами «ты здесь не один» стучала в дверь ванной комнаты, где Миша умывался. Через дня три-четыре Миша, как и Володя, уже расхаживал по квартире вечером и утром в трусах и в тапочках. Единственно, он точно не решался подойти к холодильнику и что-нибудь там взять. Юля, видимо, это заметила.

— У немцев есть такая поговорка, — как-то день на пятый Мишиного пребывания в квартире на Кутузовском сказала Юля. — Они говорят, что гость, как рыба, начинает вонять на третий день. Но ты здесь не гость. Завтра я дам тебе ключи, и ты вообще будешь свободен. А на холодильнике замка нет, ключи не нужны. Он открывается и закрывается легко. Если чего-то хочешь, бери.

— Юля, я туда ещё ничего не положил, чтобы брать, — гордо ответил Миша.

— А у англичан есть такое понятие: высшее проявление дружбы — это наделение друга так называемыми «refrigerator rights», то есть правом доступа к холодильнику. Ты наделён таким правом, — строго закрыла тему Юля.

Юля знала чёрт знает сколько всего. Она постоянно что-то читала. Если не говорила по телефону, не беседовала с Володей или Мишей, если была дома, то обязательно курила и читала книгу или газету. Еду она не готовила никогда. Правда, могла поджарить яйца или отварить сосиску. Зато кофе варила она много и часто, варила на газовой плите. Кофе у неё всегда сбегал, потому что она либо говорила по телефону, либо беседовала, либо читала.

На лестнице в подъезде было тихо. Лифт Миша не стал вызывать и забежал на третий этаж, быстро перескакивая две ступени. Его шаги громко ударяли ему же по ушам.

Дверь в Юлину квартиру была приоткрыта. Миша вошёл в маленькую прихожую, хотел по привычке разуться, даже нагнулся для этого, но тут же выпрямился и шагнул в комнату.

Там за круглым столом сидела невысокая полноватая женщина лет сорока и что-то быстро писала. Напротив неё, положив руки на стол, сидел Володя и смотрел на то, как быстро та пишет. У стены на стуле сидела ещё какая-то тётка в длинном халате. На ногах у тётки были тёплые носки и тапочки.

— Миша, ты уже! Ну, слава Богу! — поднимаясь из-за стола, сказал Володя. — Я так тебя ждал! Я ещё никому не звонил. И ей на работу тоже не звонил. Не знаю, что сказать. Заходи, Миша...

Володино лицо сильно опухло, его толстые губы стали ещё толще. Он вышел из-за стола навстречу Мише, буквально упал на него, они крепко обнялись, и Володя застонал и заплакал.

— Беда! Беда-то какая! — сказала тётка в халате. — Ну, я пойду уже. Я больше ничего не знаю. Я бы уже пошла.

— Да, конечно, можете идти, — ответила ей женщина из-за стола.

— А подписывать больше ничего не надо? — вставая, сказала тётка.

— Нет, больше ничего не надо, — не глядя на неё и продолжая писать, ответила женщина.

— Ну, тогда я пойду, — и она пошла, бормоча под нос: — Вот ведь что с собой удумала. Горе такое сделала. И чего не жилось? Многие и похуже...

Володя всё стоял, обняв Мишу, и никак не мог перестать вздрагивать. Миша похлопывал его по спине совсем тихо-нечко, молчал и не находил что сказать. Потом Володя от-

странился, медленно вернулся к столу и сел на прежнее место в прежнюю позу. Миша так и остался стоять.

Вскоре пришёл какой-то человек. Он тоже был из милиции. Он отозвал ту женщину, что сидела за столом, на кухню, они о чём-то там вполголоса разговаривали минут пять. Миша стоял и молча осматривал комнату. Всё было как обычно, ничего не изменилось. Всё было на своих местах. Но ему очень хотелось немедленно оттуда уйти.

Потом женщина-следователь, а она была именно следователь, и тот мужчина вернулись в комнату. Мужчина увёл Володю на кухню, а женщина быстро порасспросила Мишу о том, кем он являлся «хозяйке квартиры» — так она назвала Юлю. Ещё она спросила, не встречался ли он с ней в последнее время, жаловалась ли она ему на что-то, были ли у неё финансовые проблемы, не знает ли он о каких-нибудь её врагах или недоброжелателях. Были ещё вопросы такого же рода. Но следователь ничего не записывала и задавала эти вопросы скорее формально.

Через какое-то время Миша с Володей остались вдвоём. Володя запер входную дверь, и наступила тишина. Невыносимая тишина.

— Давай покурим, а? — сказал Миша, чтобы нарушить тишину.

— Давай, — тихо ответил Володя.

Миша достал сигареты, и они пошли на кухню. На кухонном столе почему-то стояли горшки с цветами. Весь стол был заставлен ими. Миша поискал глазами пепельницу и увидел её на подоконнике. В пепельнице лежали окурки, штук пять-шесть, и рядом с пепельницей открытая пачка сигарет и зажигалка. А чуть в стороне от всего этого он увидел тоненькое колечко с красным камешком и Юлины маленькие серёжки.

— Володя, родной, — севшим в один миг голосом сказал Миша, — пойдём отсюда. Пойдём куда-нибудь, там и поговорим.